

интенсив-
и животновод-
нии Литва
одно из ве-
тря на не-
ювия про-
длены все
Но, от-
ие, время
его совер-
тельности
ления его
ние эффек-
тва и каче-
зов и со-
приобретает
свете реше-
(1978 г.)

льским хо-
поставлены
пятилетки
сть зерно-
ов. На каж-
производить
и свинины,
республике
вой фермы,
фуражную
трех тысяч
ка. Чтобы
реально-
ногого сде-
изводствен-
никам сфе-

т по праву
рство. Все
ь — комму-
равом кон-
ппарата по
тна партии
партком и
или провели
значитель-

и исполне-
из дейст-
ие на за-
хода реа-
поставлен-
уководства
четный пе-
и рассмат-
рошие ре-
ты комму-
й управ-
зискатель-
стиль ра-
— П. Баг-
аса, В. Ла-
страйтиса,
бсуждений
е, расста-
кадров, об-
щениях в
Заслуши-
ретариата
ом вскопа-

ИСТОРИЧЕСКИЕ **Сенсации**

определенный срок партийный
комитет вновь заслушал того

Владислав ШВЕД

го коммунисты министерства.
Большое внимание уделяет-
ся работе парторганизаций в
отделах и управлениях. Им

ТАЙНА КАТЫНИ ИЛИ ЗЛОБНЫЙ ВЫСТРЕЛ В РОССИЮ

суждались на двух собраниях
коммунистов, но довольно по-
верхностно. И, что особенно
удивляет, — ход выполнения
директив партии по магист-
ральному направлению сель-

венности? Теперь, на заседа-
нии парткома, его члены сооб-
ща думают об этом. Делови-
тость и оперативность, твор-
ческий подход к делу — важ-
нейшие качества современного

сотруд-
и его и
ских учре-
дного хо-
по вопро-
экономики
редового
в республ-
ми. Одна
специали-
нувшись
ты, в так-
ку, зачас-
этих рек-
по стари-
жение #
штаба от-
отдачу не
жет быть
этот воз-
парторган-
ях?

В респу-
онов, кот-
ву проду-
ют от ср-
вы. По и
партии ре-
на компл-
оказанию
Коммуни-
должны с-
водникам

Выступ-
ном собр-
нер управ-
ке кадро-
рил, что
поднявши
вращают
четы, при-
ки. Надо
ся в при-
считают
димо, по-
тикой и
смысл о

Идет :
Подытож-
ретарь
Р. Валле-
вить пер-
боты на
печиваю-
ход к са-
просам.

«Каждо-
ского ап-
видеть с-
решении
зайствов-
рил на
ЦК КП
Брежнев,
ним о
главные
ганизация
ского хо-

Исторические сенсации

Владислав Швед

**Тайна Катыни, или
Злобный выстрел в Россию**

«Алисторус»

2010

Швед В. Н.

Тайна Катыни, или Злобный выстрел в Россию / В. Н. Швед — «Алисторус», 2010 — (Исторические сенсации)

Отношения России с Польшей на протяжении столетий складывались непросто. К сожалению, и сейчас мало в них положительного. Не добавляет позитива и шумиха по Катыни, разразившаяся в канун празднования 65-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне, со странной катастрофой польского самолета под Смоленском и путаными заявлениями на высшем уровне. Складывается впечатление, что определенным силам, как в Польше, так и в России, не нужна истина в этом вопросе. Книга публициста-политолога В.Н. Шведа должна способствовать взаимопониманию между Россией и Польшей, налаживанию дружеских отношений русского и польского народов. На основе глубокого анализа архивных документов, свидетельств, касающихся гибели польских военнопленных на советской территории, автор убедительно доказывает, что окончательную точку в катыньском деле ставить преждевременно. Много здесь неясностей, хотя некоторые выводы объективно можно сделать и теперь.

© Швед В. Н., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Предисловие	5
Тайны Катыни[1]	7
Взгляд из Варшавы и Москвы	8
Выстрелы из прошлого	11
«Дело» Геббельса	18
Эксгумация по-немецки	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владислав Николаевич Швед

Тайна Катыни, или Злобный выстрел в Россию

*Посвящается моему сыну Николаю и его сверстникам в надежде,
что эта книга облегчит им поиски исторической истины*

Предисловие

Чем дальше человечество уходит от событий бурного XX века, тем больше на Западе появляется желающих пересмотреть итоги этого времени, и прежде всего итоги Второй мировой войны. Не отстают от них некоторые наши сограждане из научного и культурного мира. С невероятной легкостью они меняют знак плюс на минус. Обличая большевизм как идеологию непримиримости, они сами становятся апологетами необольшевизма. Их риторика оказывает сильное воздействие на общественность и особенно на молодежь.

К сожалению, им предоставлены широкие аудитории как на телевидении, так и в других российских СМИ. На различных ток-шоу появились специалисты «широкого» профиля, способные говорить на любую историческую тему. Порой удивляешься, как некоторые театральные режиссеры, известные своей деспотичностью и диктатом, безапелляционно заявляют, что победа в Великой Отечественной войне была одержана вопреки воле Сталина. Интересно, а в их театрах актеры тоже могут играть роли вопреки установкам режиссеров?

Некоторые российские историки и писатели утверждают, что немцы закончили войну с минимальными потерями, а русские завалили Германию трупами. Да, дорого стоила нам победа. Только трехнедельное сражение за Берлин в апреле – мае 1945 г. унесло жизни 78 тысяч советских воинов, не говоря уже о потерях в начальный период войны. Но, соотносительно с численностью населения, и Германия понесла тяжелейшие потери. В немецкой документальной кинохронике 1945 г. показан последний резерв фюрера – мальчишки гитлерюгенда, которые должны были остановить советские армии. Но для российских «опровергателей» исторических истин это не имеет значения.

Естественно, что на этом фоне «махровым цветом» буйствует изощренная историческая дезинформация, на которой специализируются сотни псевдоисториков из бывших стран социалистического лагеря. Особой активностью отличаются поляки. Надо сказать, что их инсинуации не остаются без ответа. В последнее время в России появляется все больше объективных фундаментальных исследований, посвященных проблемным историческим ситуациям.

Беда в том, что рядовой россиянин не читает исторические монографии, особенно если краткий «ответ» на интересующий его вопрос ему преподносят в телепередаче или газете. То, что этот ответ далек от исторической правды, никого не волнует. Как не волнует и то, что *«нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»*.

В этой связи родилась идея на основе исторических документов и исследований российских историков-патриотов предложить российскому читателю в популярной форме версию некоторых исторических событий XX века, прежде всего, касающихся российско-польских отношений. К настоящему времени накоплен огромный фактический и исторический материал, касающийся самых острых проблем этих отношений: катынского преступления, гибели красноармейцев в польском плену в 1919–1921 гг. помощи восставшей Варшаве в августе 1944 г. и т. д. Он нуждается в серьезном анализе и новом осмыслении выводов, сделанных ранее.

Достаточно сказать, что сравнительный и содержательный анализ накопленных к настоящему времени фактов, касающихся «Катынского дела», позволил сделать вывод об ущербности официальной версии. Анализ документов, содержащихся в сборнике «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.», позволил прийти к однозначному выводу об ответственности польского руководства за гибель красноармейцев.

Однако история – наука весьма субъективная. Многое зависит от того, какой ракурс выбран для рассмотрения того или иного исторического события. Нередко игнорирование одного малозначительного, на первый взгляд, факта или детали может привести ко всей неверно выстроенной исторической концепции.

В этой связи лишь один пример. Удивительно, но официальные исследователи «Катынского дела», строя свою версию событий на основе документов Политбюро ЦК ВКП(б), не удосужились исследовать специфику принятия решений на Политбюро при Сталине. А это оказалось весьма важной деталью. Вот о том, почему это, и не только это, является важным для понимания катынской проблемы, рассказывается в «Тайнах Катыни».

Помимо этого в книге рассмотрены основные постулаты польских историков, с помощью которых они пытаются убедить мир в «исторической вине России» перед Польшей. Затронуты проблемы так называемой «оккупации» Прибалтики. На основе ретроспективы событий 22 июня 1941 г. проанализирована ситуация в современной Российской армии.

По сравнению с журнальными и газетными вариантами, материалы, вошедшие в книгу «Катынь и Анти-Катынь», уточнены и доработаны с учетом новых фактов и свидетельств. Однако полагать, что окончательная точка в освещении исторических событий, которые представлены в книге, поставлена, наивно.

Главная цель этой книги подвести читателя к необходимости критически воспринимать информацию об исторических событиях недавнего прошлого. В этой информации всегда найдутся детали, которые при внимательном рассмотрении, как лакмусовая бумажка, просигнализируют о подлоге и лжи. Дезинформация, как правило, паразитирует на некритическом подходе к оценке исторических событий. Будем мудрыми и пытливыми.

Тайны Катynи¹

*Всегда и во всем впереди шествует Ложь, увлекая глупцов пошлой
своей крикливостью. Последнею и поздно приходит Правда, плетясь
вслед за хромым временем.*

Б. Грасиан

«Катynью» вот уже более 60 лет называют события, связанные с трагической судьбой граждан довоенной Польши, пропавших на территории Советского Союза в 1939–1941 гг. Самую многочисленную категорию среди них составляли бывшие польские офицеры.

Согласно рассекреченным в 1992 г. документам ЦК ВКП(б) и НКВД-КГБ СССР считается, что 21 857 пленных польских офицеров, полицейских, государственных чиновников и представителей интеллигенции, находившихся в советских лагерях и тюрьмах в 1940 г., были расстреляны сотрудниками НКВД в Катynском лесу под Смоленском, в Калинин (Твери) и Харькове. С тех пор «Катynь» не только географическое название – это политический водораздел в польско-российских отношениях.

Сегодня господствует версия о безусловной вине советского руководства за гибель польских военнопленных. Однако немало фактов убедительно свидетельствует о том, что часть польских офицеров расстреляли немцы. Тем не менее настоящее исследование не ставит целью «перевод стрелок» ответственности за Катynь на нацистов. Главное – установление истины.

Делать какие-либо окончательные выводы о подлинных обстоятельствах катynской трагедии без дополнительного исследования всей совокупности фактов – и давно известных, и выявленных за последнее время, весьма опрометчиво. Однако это не мешает сформулировать ряд вопросов, на которые официальное расследование не дало ответа, и обозначить альтернативные версии. Этому и будет посвящено наше исследование. Но прежде рассмотрим польско-российские отношения через призму катynского преступления.

---

¹ Это исследование написано в соавторстве с С.Э. Стыгиным, координатором международного проекта «Правда о Катynи».

Взгляд из Варшавы и Москвы

Польский писатель Петр Кунцевич в своем открытом письме президенту В. Путину в варшавской газете «Трибуна» в марте 2006 г. написал: *«Я не был вашим другом – напротив, был заклятым врагом. Но в то же время я немного знал русскую культуру, ваши легенды, историю, литературу, музыку, науку – и отдавал себе отчет, как велика эта культура и что не подобает ее игнорировать»*.

А игнорировали мы ее потому, что считали такой подход своего рода защитой от вас, ведь когда-то мы были конкурентами, несколько веков назад мы тоже хотели создать свою собственную, польско-литовско-украинскую империю. Вы нас одолели – победили и поглотили, – однако об имперских амбициях никогда не забывается, здесь доходит даже до смешного. Невозможно оспаривать вашу победу, как нельзя избежать и ненависти побежденных. Но мир с огромной скоростью меняется – а потому и мы, и вы должны этому научиться».

Мне бы хотелось, чтобы Вы, господин президент, вникли в наше отношение к катынской проблеме, которая застряла между нашими народами, как кость в горле, и которую никогда, вообще никогда не удастся устранить, как не удастся зачеркнуть разорения поляками Кремля или пожара Москвы... Катынь – это уже не локальная проблема, пусть даже самая важная, это опорочивание славянской семьи перед всем миром» (Трибуна. 03.03.2006).

П.Кунцевич в своем письме достаточно откровенно сказал о главной причине польско-российского противостояния: *«Вы нас одолели – победили и поглотили»*. Поэтому Польша рассматривает «Катынское дело», как козырного туза, который позволит получить сатисфакцию за двести лет патронажа России. Не случайно французский писатель и радиокomentатор Анри-Жан Дютей заметил, что *«полякам в радость открыто обвинять русских»* (Деко. Великие загадки XX века. С. 286). В этом плане «Катынское дело» предоставило польской стороне большие возможности.

Еще более откровенно выразился ведущий теоретик перманентного «катынского конфликта», профессор истории Ягеллонского университета (Краков) Анджей Новак, который считает, что *«если историческое направление польской политики не решит проблему Катыни, не добьется признания ее символом одного из двух самых крупных преступлений XX века – преступлением коммунизма, мы не только предадим память об убитых на Востоке, но упустим шанс на получение достойного и стабильного места Польши в Европе»* (Строгин. «Российские вести». 16–23.03.2005).

То есть для польских политиков «Катынь» – не столько желание восстановить историческую правду и справедливость, как это громогласно заявляется, сколько политический инструмент для получения достойного и стабильного места в Европе! Стремление Польши извлекать максимальную выгоду из всего, даже самого святого, подтвердил в ноябре 2006 г. польский президент Л.Качиньский. Говоря о блокировании Польшей переговоров России с Евросоюзом, Качиньский подчеркнул, что для Варшавы очень важны добрые отношения с Москвой, однако *«эти отношения должны быть такими, чтобы они Польше что-то приносили»*.

Немецкий журналист Андре Баллин полагает, что после избрания польским президентом Леха Качиньского *«историческая неприязнь»* между Польшей и Россией *«усугубилась личностным фактором»* (Баллин. Ледниковый период в центре Европы). Известно, что Л.Качиньский был избран, во многом благодаря своим антисоветским и антироссийским высказываниям.

Сегодня Л.Качиньский более прагматичен, но тема Катыни для него священна. Польский президент в «Специальной линии» телеканала TVP2 21 марта 2006 г. исторические проблемы в отношениях с Россией назвал *«сферами особой чувствительности»*. Он также заявил: *«Не думаю, что мы в Польше перестанем изучать или выяснять эти болезненные темы... Совер-*

иенно другим вопросом является то, станут ли они (эти болезненные темы) полностью определять в данный момент наше отношение к переговорам с Россией... Но означает ли это то, что мы скажем, что Катыни не было, – нет, не скажем ни в коем случае. Речь идет о том, будет ли это основной проблемой в польско-российских отношениях. Здесь мы проявляем добрую волю».

История показала, что «добрая воля» польскими властями понимается как, прежде всего, безоговорочная поддержка их позиции, которая звучит следующим образом: *«Советские власти весной 1940 г. без суда и следствия расстреляли 21 857 невинных польских военнопленных, руководящую польскую элиту, совершив тем самым акт геноцида».*

Эту позицию Л.Качиньский вновь подтвердил, выступая 6 июня 2006 г. по польскому телевидению. Говоря о необходимости улучшения связей Польши с Россией и возможной встрече с В.Путиным, Л.Качиньский многозначительно заметил: *«Быть может, нам удастся улучшить связи с Россией, быть может, нет».* Чтобы еще нагляднее обозначить свою политическую позицию, Л.Качиньский вслед за этим особо подчеркнул, что взаимоотношения России с Польшей отягощает Катынское дело: *«Оно представляет для них (русских) определенное психологическое неудобство».*

Надо заметить, что для поляков проблема покаяния России за Катынь вторична. Катынская трагедия стала краеугольным камнем сложившейся в Польше общенациональной пропагандистско-идеологической системы. Ежегодно проводятся десятки мероприятий, посвященные Катыни. Во многих польских городах имеется улица «Героев Катыни», гимназия «имени Жертв Катыни», местный «Катынский крест» и т. д. Польские политики осознают, что даже частичная деформация этой системы чревата для польского общества серьезными потрясениями. Тем более что далеко не все простые поляки довольны политикой конфронтации с Россией.

Бывший председатель Института национальной памяти (IPN) в Варшаве Леон Керес в своем интервью журналу «Новая Польша» заявил, что история Катыни должна объединить поляков: *«Нравится это кому-то или нет, но Катынь – это наша мартирология и память об убитых, и в то же время наше общее дело. Общее вне зависимости от политических взглядов и убеждений. Поэтому я не боюсь сказать, что тот, кто против польского следствия по катынскому преступлению, сам себя ставит по другую сторону»* (Новая Польша. № 3, 2005).

Во второй половине 2006 г., казалось бы, наметились некоторые положительные сдвиги в польско-российских отношениях. В ходе рабочего визита в Польшу министра иностранных дел России С. Лаврова в начале октября 2006 г. были достигнуты договоренности о встрече в 2007 г. президентов Л.Качиньского и В.Путина. Планируется возобновить работу «Группы (комиссии) по сложным вопросам» в польско-российских отношениях, которая в основном будет заниматься проблемой катынского преступления.

Однако 13 ноября 2006 г. Польша вновь продемонстрировала верность прежним установкам и заблокировала переговоры России с Евросоюзом. Как сообщило «РИА Новости», глава польского государства Л.Качиньский на пресс-конференции по этому поводу заявил, что Варшава не может пойти на то, чтобы соглашение Евросоюза с Россией обходили Польшу стороной, а *«с Москвой надо говорить твердо, решительно и резко».*

Позиция польской стороны ставит крест на упованиях многих российских политологов, полагающих, что рано или поздно все болезненные исторические проблемы в отношениях между нашими странами сами собой «рассосутся», уступив место прагматизму и экономической целесообразности. Но в отношении Польши это напрасные ожидания. В польском обществе история противостояния с Россией является одним из главных действующих лиц. Не случайно именно в Польше родилась так называемая «историческая политика». За последние годы она стала носить все более ритуально-пропагандистский характер.

Вероятно, в духе этой политики, несколько лет назад, якобы для обновления, была закрыта российская экспозиция в музее Аушвиц – Биркенау в Освенциме, просуществовавшая 46 лет. Весной 2007 г. выяснилось, что дирекция музея готова открыть ее только в том случае, если российская сторона признает оккупацию польских территорий СССР в 1939 г. и узники Освенцима – выходцы из западных областей Белоруссии и Украины – будут представлены не как граждане СССР, а как граждане Польши. Это еще раз подтвердило, что переписывание истории – любимое занятие многих польских политиков и историков.

Поэтому, вероятно, безрезультатно закончатся попытки российских политиков и дипломатов перевести катынскую проблему из идеологически-ритуальной плоскости на уровень реальной политики. В вопросах оценки Катынского преступления Польша вряд ли пойдет на какие-либо уступки. Тем более, что российские юристы не располагают для этого реальными и обоснованными аргументами, а ведущие российские историки в области катынской проблемы, как правило, отстаивают польскую точку зрения.

Сложно говорить об аргументированной позиции России, когда из запланированного в 1992 г. совместного 4-томного сборника документов «Катынь. Документы» в Польше изданы все четыре, а в России лишь два тома. Достаточно ознакомиться с материалами по Катыни, подготовленными некоторыми российскими историками и юристами, чтобы найти немало «полонизмов», т. е. лексических оборотов, не свойственных русской речи. Это свидетельство того, что российская историческая наука и юриспруденция в катынской теме попросту переписывают польские источники.

Главная военная прокуратура РФ не располагает данными об эксгумациях, проведенных польскими историками и археологами на территории СССР, а впоследствии России и Украины, в 1991 и 1994–1996 гг., так как они изданы на польском языке. Но ни российские прокуроры, ни российские историки пальцем не пошевелили для перевода опубликованных отчетов на русский язык с целью ввода их в нормальный научный и юридический оборот. При этом поляки любую информацию из России, имеющую отношение к Катыни, моментально переводят и тиражируют.

Польская сторона не только внимательно относится к информации из России, но и умело формирует в российском обществе выгодное для себя мнение. 14 апреля 2005 г. Указом Президента Республики Польша А.Квасьневского 32 жителя СНГ «за выдающийся вклад в раскрытие и документирование правды о политических репрессиях в отношении польского народа» были награждены польскими государственными наградами. Среди них российские историки и исследователи Катынского дела Н. Лебедева, В.Парсаданова, А.Яблоков, Г.Жаворонков и др., чьи труды способствовали обоснованию польской версии «катынского преступления».

Для лучшего понимания сформировавшейся в польско – российских отношениях «стабильной, постоянной враждебности» (Г.Павловский. Интервью еженедельнику «Wprost»), необходимо обратиться к истории катынского преступления.

Выстрелы из прошлого

В сентябре 1992 г. в архиве Президента РФ (бывшем архиве ЦК КПСС) были найдены сверхсекретные документы, из которых следовало, что на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) в 1940 году сотрудники НКВД СССР расстреляли 14 552 пленных польских офицера, полицейских, разведчиков и др. из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей для военнопленных, а также 7305 польских заключенных, содержавшихся в тюрьмах западных областей Белорусской ССР и Украинской ССР.

14 октября 1992 г. копии этих документов с большим ажиотажем были предъявлены польской и российской общественности. После этого многие решили, что под запутанной и противоречивой историей Катынского дела проведена окончательная черта и что историческая правда, хотя и с полувековым запозданием, наконец-то восторжествовала.

Надо заметить, что ряд фактов свидетельствует о том, что часть польских военнопленных была действительно расстреляна органами НКВД СССР. Но не меньше давно известных и вновь открытых фактов убедительно свидетельствуют о том, что в урочище Козьи Горы, рядом с местечком Катynь (под Смоленском), поляков осенью 1941 г. расстреливали и немцы.

Вернемся в далекий 1943 г, когда 13 апреля «Радио Берлина» сообщило о найденных в Катынском лесу захоронениях 10 тысяч польских офицеров, которые, как утверждали нацисты, были уничтожены большевиками. Дело о расстреле польских офицеров на территории СССР получило название «Катынского». По указанию Гитлера «Катынским делом» занимался лично министр имперской пропаганды Геббельс. Польское правительство в эмиграции поддержало немецкую версию, и 16 апреля 1943 г. с соответствующим коммюнике выступил министр обороны Польши генерал М.Кукель.

В ответ 15 апреля 1943 г. Совинформбюро обвинило в катынском преступлении нацистов, объявив, что польские военнопленные «находились в 1941 г. в районах западнее Смоленска на строительных работах и попали со многими советскими людьми, жителями Смоленской области, в руки немецко-фашистских палачей летом 1941 года» (Катynь. Расстрел. С. 448).

В январе 1944 г. в Козьи Горы на место захоронения расстрелянных польских офицеров выехала специальная комиссия под руководством академика Н.Н.Бурденко, которая подтвердила заявление Совинформбюро от 15 апреля 1943 г. Комиссия установила, что *«до захвата немецкими оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссейных дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные в трех лагерях особого назначения, именовавшихся: лагерь Же 1-ОН, № 2-ОН, № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 40 км на запад от Смоленска»*. Осенью 1941 г. военнопленные поляки были расстреляны в Катынском лесу *«немецко-фашистскими захватчиками»* (Катynь. Расстрел. С. 515).

Однако попытка в 1946 г. закрепить выводы комиссии Бурденко решением Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге и окончательно закрыть тем самым катынскую тему не имела успеха. В неблагоприятном для СССР итоге рассмотрения «катынского эпизода» большую роль сыграли два обстоятельства.

Во-первых, время рассмотрения вопроса о Катynи в трибунале роковым образом совпало с началом «холодной» войны, идеологию которой в своей знаменитой речи в Фултоне сформулировал 5 марта 1946 г. бывший премьер-министр Великобритании У.Черчилль. В ситуации нарастающей враждебности в отношениях между Западом и СССР советский обвинитель полковник Ю.Покровский, отвыкший от реальной состязательности в судебных процессах и не ожидавший серьезных политических подвохов от недавних союзников по антигитлеровской коалиции, по выражению западных журналистов, выглядел «жалко».

Вторым важным обстоятельством явилось то, что незадолго до рассмотрения «катынского эпизода» польское эмигрантское правительство распространило среди участников Нюрнбергского процесса и журналистов «Отчет о кровавом убийстве польских офицеров в Катынском лесу» (более 450 стр.), подготовленный польским юристом В. Сукенническим и активным участником поиска поляков в СССР М. Хейтцманом. В этом документе вина за катынское преступление возлагалась на СССР (Катынский синдром. С. 193).

Вопрос о Катыни в Нюрнберге рассматривался 1–3 июля 1946 года. Советские свидетели повторили уже давно известные из Сообщения комиссии Бурденко факты. Немецким же свидетелям при явном попустительстве председателя трибунала удалось формально опровергнуть или поставить под сомнение целый ряд небрежных утверждений советских прокуроров (к примеру, немецкий 537-й полк связи ошибочно именовался в советских документах «537-м строительным батальоном», оберст-лейтенант (подполковник) Аренс – «обер-лейтенантом Арнесом» и т. д.

Сыграл свою роль и серьезный правовой просчет комиссии Бурденко, которая обвинила немецких военнослужащих 537-го полка связи во главе с оберст-лейтенантом Арнесом непосредственно в расстреле польских пленных. Тогда как, с формально-юридической точки зрения, их следовало обвинять лишь в пособничестве такому расстрелу.

Эти мелкие, на первый взгляд, ошибки и неточности дали основания членам трибунала от трех западных держав выступить единым фронтом и, вопреки протестам члена МВТ от СССР генерал-майора юстиции И.Т.Никитченко, исключить «катынский эпизод» из окончательного текста приговора.

Однако такое исключение ни в коей мере не означало, как это демагогически пытаются утверждать сторонники польской версии, автоматического оправдания Германии или косвенного обвинения СССР в катынском преступлении. До настоящего времени юридически в массовом расстреле в Катынском лесу 11.000 польских военнопленных осенью 1941 г., согласно статьи 21 Устава Нюрнбергского Международного военного трибунала, обвиняется руководство нацистской Германии.

Впоследствии поляки-эмигранты издали на Западе ряд книг, в которых утверждалось, что преступление в Катыни совершили сотрудники НКВД. Эту позицию в 1952 г. отстаивала известная комиссия Палаты представителей американского конгресса («комиссия Мэддена»). В 1970 г. позицию американских конгрессменов поддержала английская палата лордов (Подробнее см.: Катынь. Расстрел. С. 441–442).

В начале 1980-х катынская тема и события 1939 г. заняли важное место в идеологической борьбе «Солидарности» против коммунистической власти Польши. Через несколько лет Катынь стала общепольской национальной проблемой, на гребне которой «Солидарность» рвалась к власти.

Продолжение замалчивания катынской темы и связанных с ней событий 1939 г. официальными властями Польши и СССР становилось нетерпимым.

Необходимо заметить, что советская официальная точка зрения на ситуацию 1939 г. была закреплена в так называемой исторической справке «Фальсификаторы истории» (1948 г.) Принудительное единомыслие, господствующее в странах соцлагеря до конца 1980-х годов, предлагало только одну точку зрения, которая не давала ответ на ряд важных для граждан Польши и Прибалтики вопросов. Поэтому весьма популярной точкой зрения для многих стала другая, формируемая в разговоре за столом на кухне.

К сожалению, уход от всесторонней оценки острых конфликтных ситуаций продолжает доминировать и в официальной историографии современной России. Несмотря на то, что за последние годы выяснилась масса новых исторических подробностей и существенно изменились аргументы оппонентов, российские власти по ряду спорных исторических проблем («сентябрьская кампания» РККА 1939 г., «советская оккупация» Прибалтики и др.) продолжают

использовать устаревшую аргументацию, забывая, что способствуют формированию новых «качинских» в сопредельных государствах.

Более того, оценка многих спорных исторических ситуаций, в основном, отдана на откуп историкам «необольшевистского» толка, для которых главное полностью разрушить все представления о прежнем мире, а потом... Российское руководство, занятое решением повседневных проблем, пока не сочло нужным уделить должное внимания спорным историческим проблемам.

Аналогичная ситуация сложилась и к 1987 г., когда, по предложению главы польского государства генерала В.Ярузельского, была создана двусторонняя комиссия историков СССР и Польши по вопросам истории отношений между двумя странами и, прежде всего, по катынскому вопросу. Однако по вине советской стороны, комиссия работала крайне медленно и неэффективно. Это позволило польской стороне взять инициативу в свои руки.

В результате в 1988 г. члены двусторонней комиссии, польские историки Я.Мачишевский, Ч.Мадайчик, Р.Назаревич и М.Войцеховский, провели так называемую *«научно-историческую экспертизу»* сообщения специальной комиссии Н.Н.Бурденко, в которой они признали выводы комиссии *«несостоятельными»* (Катынь. Расстрел. С. 443). Никакой внятной реакции советских историков и официальных властей на польскую экспертизу не последовало. Это означало первую победу польской позиции в Катынском деле. Говорить после этого о выводах комиссии Н.Бурденко считалось «плохим тоном».

Несколько ранее, в декабре 1987 г., в ЦК КПСС была направлена записка «четырех» (Шеварднадзе, Яковлева, Медведева, Соколова) по катынскому вопросу в связи с намечаемой поездкой летом 1988 г. Горбачева в Польшу. Предлагалось обсудить записку на Политбюро ЦК КПСС 17 декабря 1987 г. и *«внести ясность в «Катынское дело»*. Однако по неизвестным причинам вопрос был снят. Об этой записке упоминает бывший консультант Международного отдела ЦК КПСС В. Александров в своем письме от 19 октября 1992 г. в Конституционный суд по «делу КПСС» (Катынский синдром, с. 262).

Руководство ЦК КПСС по поводу Катынского дела, вплоть до 1990 г., ограничивалось лишь пропагандистскими заявлениями. Наиболее серьезным документом того времени стало постановление Политбюро ЦК КПСС от 5 апреля 1976 г. *«О мерах противодействия западной пропаганде по так называемому «Катынскому делу», в котором предлагалось дать «решительный отпор провокационным попыткам использовать так называемое «Катынское дело» для нанесения ущерба советско-польской дружбе»* (Катынь. Расстрел. С.571–572).

6 марта 1989 г. заведующий Международным отделом ЦК КПСС В. Фалин в своей записке Центральному Комитету отмечает, что *«Катынское дело будоражит польскую общественность»*. Известна также записка Э.Шеварднадзе, В.Фалина и В. Крючков а в ЦК КПСС от 22 марта 1989 г. *«К вопросу о Катыни»*, в которой отмечается, что: *«По мере приближения критических дат 1939 г. все большую остроту принимают в Польше дискуссии вокруг так называемых «белых пятен» отношений с СССР (и Россией). В последние недели центр внимания приковывается к Катыни.*

В серии публикаций... открыто утверждается, что в гибели польских офицеров повинен Советский Союз, а сам расстрел имел место весной 1940 г... эта точка зрения де-факто легализована как официальная позиция властей». В заключение предлагалось *«сказать, как реально было и кто конкретно виновен в случившемся и закрыть вопрос»* (Катынь. Расстрел. С. 576–577. Фалин. Конфликты в Кремле. С. 344).

В советское время катынская тема была закрытой даже для членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС. Пытаясь сломать завесу секретности в катынском деле, В.Фалину удалось добиться разрешения работать в фондах закрытого Особого архива и Главного управления по делам военнопленных и интернированных историкам Ю.Зоре и Н.Лебедевой. В.Парсаданова,

как член двусторонней советско-польской комиссии, в Особом архиве уже работала. Это дало свои результаты.

В исследовании «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях» отмечается, что *«весомым доказательством роли НКВД в уничтожении поляков в 1940 г.»* явилось совпадение очередности фамилий при *«выборочном сравнении списков-предписаний на отправку пленных из Козельского лагеря в УНКВД по Смоленской области и эксгумационных списков из Катynи в немецкой «Белой книге»*, которое обнаружил военный историк Ю.Зоря (Катынский синдром. С. 291).

Действительно, совпадения в последовательности нескольких фамилий военнопленных из этапных списков 1940 г. немецкому эксгумационному списку 1943 г., выявленные Ю.Зорей, производили сильное впечатление. Однако выводы, сделанные Ю.Зорей, не могли быть обоснованными в принципе, так как порядок расположения фамилий эксгумированных трупов в официальном немецком эксгумационном списке изначально не соответствовал порядку извлечения этих трупов из могил в Козьих горах.

Совершенно не рассматривалась Ю.Зорей версия о том, что для успеха фальсификации Катынского дела немецкие эксперты просто обязаны были «подгонять» результаты своей эксгумации под этапные списки на отправку польских военнопленных из Козельска. Вполне вероятно, что подобные списки могли быть обнаружены немцами в архивах захваченных лагерей с поляками под Смоленском или легко восстановлены путем элементарного опроса находившихся в лагерях польских военнопленных.

Более того, источником этих списков могла быть сама польская сторона. Известно, что в 1941–42 гг. этапные списки на отправку военнопленных из Козельского лагеря были восстановлены ротмистром Юзефом Чапским на основании рассказов польских военнопленных, попавших в 1940 г. из Козельска в Грязовецкий лагерь НКВД СССР, а оттуда осенью 1941 г. – в армию Андерса.

Делая свои выводы, Зоря также не учел того элементарного обстоятельства, что совпадения в списках должны были неизбежно возникнуть и в случае расстрела польских военнопленных немецкими властями! Ведь расселение по жилым баракам и формирование рабочих бригад весной 1940 г. шло по мере реального поступления военнопленных в лагерь «особого назначения» к западу от Смоленска, что обуславливало сохранение тех компактных групп, в составе которых они ехали по этапу. Захватив лагерь, немцы, большие любители порядка, вероятно, предпочли не менять четко налаженную систему. Поэтому, кто бы ни расстрелял пленных поляков – сотрудники НКВД весной 1940 г., или нацисты осенью 1941 г., на расстрел польских военнопленных должны были вести практически теми же группами, в составе которых они ехали по этапу, спали в бараках и ходили на работу.

При таких обстоятельствах любое случайное или закономерное совпадение последовательностей из нескольких фамилий в списках с одинаковой очевидностью косвенно свидетельствовало как о возможной вине в расстреле поляков НКВД СССР, так и о возможной вине немцев (документы Политбюро из «закрытого пакета» в то время не были известны). Однако в 1990 г. не вполне корректные выводы Ю.Н.Зори стали одним из основных аргументов при установлении виновности сотрудников НКВД в расстреле польских военнопленных.

Другим косвенным доказательством вины советских органов госбезопасности в бессудном расстреле тысяч польских граждан считаются документы конвойных войск об этапировании поляков из лагерей для военнопленных в областные управления НКВД. Историк Н.С.Лебедева выдвинула гипотезу, что термин «исполнено» в шифровках областных управлений НКВД о прибытии этапов пленных поляков означал «расстреляны». По ее мнению, начальник Калининского УНКВД Токарев, посылая шифровки зам. Берии Меркулову *«14/04. Восьмому наряду исполнено 300. Токарев»* и *«20/IV исполнено 345»*, информировал о расстреле 300 и 345 польских военнопленных (Катынь. Пленники. С.561, 564).

Данная гипотеза опровергается тем фактом, что начальник Осташковского лагеря Борисовец после каждой отправки в распоряжение Калининского УНКВД очередного этапа с живыми поляками направлял шифровки Токареву *«10 мая исполнено 208. Борисовец»*, *«11 мая исполнено 198. Борисовец»*. Это означало, что из Осташковского лагеря в адрес Калининского УНКВД отправлено 208 и 198 военнопленных поляков (Катынь. Расстрел... С. 142). Так что термин «исполнено» означал как подтверждение прибытия этих этапов, так и отправку этапов военнопленных или заключенных. Возможно, он имел еще какое-то значение, но подтверждения этому нет.

Кстати, на документах НКВД, касающихся судьбы одного из основных «свидетелей» расстрела поляков в Катыни Станислава Свяневича, оставшегося в живых по указанию Наркома внутренних дел Берии, также есть отметка «Исполнено» (Катынь. Расстрел. С. 131,132),

Однако на основании изложенных выше косвенных и не вполне корректных гипотез заведующий Международным отделом ЦК КПСС В.М.Фалин в своей записке от 23 февраля 1990 г. «Дополнительные сведения о трагедии в Катыни» сообщил М.С.Горбачеву, что советские историки (Зоря Ю.Н., Парсаданова В.С., Лебедева Н.С.) обнаружили в фондах Особого архива и Центрального государственного архива Главного управления при Совете Министров СССР, а также Центрального Государственного архива Октябрьской революции неизвестные документы и материалы о польских военнопленных, позволяющие *«даже в отсутствии приказов об их расстреле и захоронении... сделать вывод о том, что гибель польских офицеров в районе Катыни – дело рук НКВД и персонально Берии и Меркулова»* (Фалин. Конфликты. С. 346. Катынь. Расстрел. С. 579–580).

Эта записка во многом предопределила решение М. Горбачев а о том, чтобы, без тщательного и всестороннего расследования обстоятельств Катынского дела, признать *«вину органов советской госбезопасности за массовое убийство»* польских военнопленных. Большое влияние на решение Горбачева оказало то, что весной 1990 г. в ходе подготовки официального визита в Советский Союз тогдашний руководитель Польши генерал В.Ярузельский поставил категорическое условие, что он приедет в Москву, если будут названы виновники катынского преступления («Пшеглонд» («Обозрение») № 16 за 18.04.07).

Это условие было выполнено. 13 апреля 1990 г., в день встречи М. Горбачев а и В.Ярузельского, в газете «Известия» появилось официальное «Заявление ТАСС о катынской трагедии» с признанием вины *«...Берии, Меркулова и их подручных»* за гибель примерно 15 тысяч польских офицеров (Катынь. Расстрел. С. 580–581). В.Ярузельскому был также передан *«корпус катынских документов из Особого архива»* (Катынский синдром. С. 295)

Жертва Горбачева, как, впрочем, все, что он делал, оказалась напрасной. Отношения с Польшей не улучшились, наоборот, польское руководство получило прекрасную возможность усилить давление на СССР. Польша, имеющая перед СССР и Россией не меньшие грехи, чем они перед Польшей, всегда занимала в исторических спорах активную наступательную позицию, которая обеспечивала ей преимущество в польско-советских, а впоследствии – польско-российских отношениях.

Наиболее объективно поведение польской стороны было изложено в записке (№ 06/2-223 от 29 мая 1990 г.) членов Политбюро ЦК КПСС А.Яковлева и Э.Шеварднадзе: «О наших шагах в связи с польскими требованиями к Советскому Союзу».

В записке говорилось: *«Польская сторона, освоившая за эти годы методику давления на нас по неудобным вопросам, выдвигает сейчас группу новых требований, нередко вздорных и в совокупности неприемлемых. Министр иностранных дел К. Скубишевский в октябре 1989 г. поставил вопрос о возмещении Советским Союзом материального ущерба гражданам польского происхождения, пострадавшим от сталинских репрессий и проживающим в настоящее время на территории Польши (по польским оценкам – 200–250 тыс. человек)... Цель этих*

требований раскрыта в польской прессе – списать таким способом задолженность Польши Советскому Союзу (5,3 млрд. руб.)».

Далее в записке А.Яковлев и Э.Шеварднадзе предлагали выдвижение встречных исков к Польше. Политбюро ЦК КПСС 4 июня 1990 г. согласилось с этими предложениями, но иски так и не были предъявлены, а польский долг СССР бесследно исчез.

24 сентября 1992 г. произошло событие, в корне изменившее ситуацию в Катынском деле. В этот день в архиве Президента РФ был «случайно» (?) обнаружен и вскрыт «закрытый пакет № 1» по Катыни. Документы, хранившиеся в пакете: решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., письмо Берии Сталину № 794/Б от «...» марта 1940 г., письмо Шелепина Хрущеву Н-632-ш от 3 марта 1959 г. и др., подтверждали ответственность советского руководства за гибель польских военнопленных. С этого момента «Катынское дело» приобрело совершенно иное звучание. Вина СССР в гибели 21.857 польских военнопленных стала считаться абсолютно доказанной.

Двумя годами ранее, нежели был обнаружен «закрытый пакет № 1», 22 марта и 6 июня 1990 г. прокуратурами Харьковской и Калининской областей были возбуждены уголовные дела, которые Главная военная прокуратура (ГВП) 28 сентября 1990 г. объединила в единое дело № 159 «О расстреле польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР в апреле – мае 1940 года».

В 1992 г. при Главной военной прокуратуре России по уголовному делу № 159 начала работать комиссия экспертов, заключение которой, подписанное 2 августа 1993 г., представляло последовательно изложенную польскую версию катынского преступления.

Эксперты пришли к выводу о безусловной вине предвоенного советского руководства за расстрел польских военнопленных весной 1940 г. Сам расстрел был квалифицирован «*как геноцид*» и «*тягчайшее преступление против мира, человечества*» (Катынский синдром. С. 491–492).

Руководство ГВП, а затем и Генеральной прокуратуры РФ с указанной выше квалификацией катынского преступления не согласилось. Постановление о прекращении уголовного дела № 159 от 13 июля 1994 г. было отменено и дальнейшее расследование было поручено другому прокурору (Катынский синдром. С. 491).

21 сентября 2004 г., после 9 лет повторного расследования, уголовное дела № 159 было вновь прекращено. Большинство материалов по делу засекречены, вина довоенного советского руководства за расстрел польских военнопленных была подтверждена, однако было отвергнуто утверждение польской стороны «*о геноциде польского народа*». Главная военная прокуратура также не нашла оснований для признания репрессированными граждан Польши. Уголовное дело в отношении бывших советских руководителей, виновных в смерти польских военнопленных, было прекращено в связи с их смертью.

Польская сторона не согласилась с «*российской интерпретацией катынского преступления*», прежде всего, в плане отрицания версии о «*геноциде польского народа*» и нежелания российской стороны признать расстрелянных поляков «*жертвами политических репрессий*». 22 мая 2007 г.

Московский городской суд отказался рассматривать просьбу российских правозащитников о реабилитации жертв катынской трагедии.

Польша сложившуюся ситуацию пытается использовать как повод для перевода катынской проблемы под юрисдикцию международного права. В итоге возможно повторение «правовой ситуации по Косово», в которой сербы были необоснованно обвинены в геноциде албанцев, не говоря уже об удовлетворении исков к России польских родственников жертв катынского преступления.

В марте 2005 г. польский Сейм принял резолюцию, в которой назвал катынское преступление «*бесчеловечным убийством военнопленных*» и реализацией совместного плана III

рейха и Сталина по уничтожению польской элиты, а также самых достойных и патриотичных польских граждан». Резолюция была направлена российскому правительству с требованием признать *«геноцидом расстрел польских офицеров сотрудниками НКВД у деревни Катынь в Смоленской области в 1940 году»*. Как отмечали польские политологи, подобное требование впервые появилось в официальном польском документе (Лента. Ру. 23 марта. 2005).

Завершая краткую историю «Катынского дела», необходимо заметить, что на его развитие особое влияние оказали пять событий. Это: нацистская пропагандистская кампания 1943 года по поводу массовых захоронений польских военнопленных в Козьих Горах, немецкая эксгумация этих захоронений в том же 1943 г., *«научно-историческая экспертиза»* сообщения специальной комиссии Н.Бурденко 1944 г., осуществленная в 1988 г. польскими историками Я.Мачишевским, Ч.Мадайчиком, Р.Назаревичем и М.Войцеховским, «случайное» обнаружение в декабре 1991 г. и в сентябре 1992 г. документов Политбюро и НКВД из «особого пакета № 1» и 14-летнее расследование Главной военной прокуратурой РФ уголовного дела № 159 «О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей НКВД в апреле – мае 1940 г.». Рассмотрим их подробнее.

«Дело» Геббельса

Особый интерес представляют обстоятельства разворачивания нацистами пропагандистской кампании по поводу захоронений польских офицеров в Козьих Горах в Катынском лесу. В известных публикациях им уделено крайне мало внимания. А они вызывают не только вопросы. Они позволяют уяснить целый ряд аспектов «Катынского дела».

Достаточно подробно эта тема рассмотрена российским публицистом и писателем Владимиром Бушиным в статье «Преклоним колена, пани...», опубликованной в минской газете «Мы и время» (№ 27–28. Июль 1993 г.). В.Бушин особо акцентирует высказывания главного нацистского пропагандиста «катынского дела» Й.Геббельса. Они позволяют понять технологию рождения «катынского дела».

18 апреля 1943 г. министр имперской пропаганды III рейха Й. Геббельс утверждал, что Катынское дело *«идет почти по программе»* (ВИЖ, № 12, 1990). Не означает ли это, что в деле с самого начала все было запрограммировано? На эту мысль наводят, в частности, и сами обстоятельства выявления катынских захоронений.

В немецкой версии утверждается, что весной или летом 1942 г. местный житель Парфен Киселев показал катынские могилы полякам из организации Тодта, привезенным на строительные работы в Смоленск. Те, выяснив, что в могилах захоронены расстрелянные польские офицеры, поставили березовые кресты и доложили немецкому командованию. Но немцы, якобы, тогда не проявили к этой находке никакого интереса (Катынский синдром. С. 151, 470. Катынь. Расстрел. С. 422).

Бывший член Международной комиссии экспертов пражский профессор судебной медицины Франтишек Гаек в своей книге «Катынские доказательства» резонно задает вопрос: *«Странно, что немецкая администрация, хотя и приложила к делу столько усилий, не отыскала тех 10 польских рабочих, которые летом 1942 г. нашли первые могилы, и не спросила их, от кого они о могилах узнали и почему в таком случае не сообщили о находке немецким органам?»*

Тот же П.Киселев на допросе в немецкой секретной полевой полиции 28 февраля 1943 г. утверждал, что весной 1942 г. он пошел в катынский лес, где обнаружил несколько холмов, под которыми, по его мнению, были захоронены польские офицеры (Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. С. 26).

В отчете секретаря немецкой полевой полиции Людвиг Фосса (Voss), врученного судье доктору Конраду, говорилось, что *«первое известие о массовых могилах в Катynи мы получили в феврале 1943 г. В катынском лесу были обнаружены холмики, которые при внимательном обследовании оказались делом рук человеческих»* (Мацкевич. Катынь. Глава 13)..

Однако Юзеф Мацкевич, польский журналист из Вильнюса, в своей книге «Катынь» утверждал, что в 1943 г. в Козьих горах (Косогорах) холмов на месте захоронений не было: *«Показания свидетелей о том, что Косогоры давно служили местом расстрелов, было легко проверить. Поэтому немцы распорядились раскопать указанные места. Было обнаружено 11 могил, вернее, рвов, поверхность которых давно слилась с поверхностью леса»* (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Это подтвердил и Фердинанд Гетль, председатель польского Общества писателей и журналистов, находившийся в составе первой польской делегации, вылетевшей из Варшавы в Смоленск 11 апреля 1943 года и побывший в Козьих Горах

12 апреля. В своем отчете он пишет, что *«мы... быстро научились распознавать еще не вскрытые могилы. Края их были несколько запавшими, поверхность неровной, к тому же повсюду на них были высажены маленькие сосенки, несомненно специально здесь помещенные»* (Цит. по книге В. Абаринова «Катынский лабиринт»).

Налицо явное противоречие. Киселев и Фосс утверждают, что на месте захоронений были холмики, а Мацкевич и Гетль – что впадины. Причина этого – оттаивание могильного грунта. Известно, что при массовых захоронениях без гробов буквально через год земля на месте этих захоронений оседает. Но тогда получается, что могилы в Козьих Горах весной 1943 г. были относительно свежие, т. е. осени 1941 г. Трудно представить, что холмы катынских захоронений выдержали два теплых сезона, 1941 и 1942 годов. Однако предоставим оценку этого явления экспертам.

Установлено, что немецким властям о польских захоронениях в Катыни было известно еще в конце 1941 г. или начале 1942 г. Сошлемся на протокол допроса Нюрнбергским трибуналом Фридриха Аренса (Friedrich ARENS), командира 537-го полка связи вермахта, дислоцировавшегося в 1941–1943 гг. в районе Козьих Гор.

На допросе Ф.Аренс показал, что вскоре после прибытия в Козьи Горы, в конце 1941 г. он обратил внимание на *«место что-то типа кургана, на котором был березовый крест. Я видел этот березовый крест. В течение 1942 года мои солдаты твердили мне, что, предполагается, в наших лесах имели место бои. Но сначала я не придавал этому никакого значения. Однако летом 1942 года эта тема упоминалась в приказе генерала фон Герсдорфа (Rudolf-Christoph von Gersdorff). Он сказал мне, что также слышал про это»* (<http://katyn.codis.ru/nurkatyn.htm>).

К сожалению, никого из членов Международного военного трибунала не заинтересовало, в каком контексте упоминались в приказе катынские захоронения? Возможно, тогда роль нацистов в Катынском деле могла бы выясниться еще в 1946 г.

Ситуация несколько прояснилась после вопросов главного советника юстиции, помощника прокурора со стороны СССР Л.Н.Смирнова. Он спросил Аренса: *«Скажите, пожалуйста, почему Вы начали эксгумацию этих массовых захоронений только в марте 1943-го, хотя обнаружили крест и узнали о массовых могилах уже в 1941-ом?»*.

АРЕНС: *«Это была не моя забота, а дело армейской группировки. Я уже Вам говорил, что в течение 1942 года эти рассказы стали более реальными. Я часто слышал про это и обсуждал это дело с полковником фон Герсдорфом, начальником разведки группы армии «Центр», который уведомил меня, что знает все про это дело и что на этом мои обязанности заканчиваются. Я доложил о том, что слышал и видел...»*.

СМИРНОВ: *«Я понял. А теперь скажите мне, при каких обстоятельствах или хотя бы когда Вы впервые нашли этот крест в роще?»*.

АРЕНС: *«Я не могу назвать точную дату. Мои солдаты мне рассказывали про него, и, случайно проходя в том месте где-то около начала января 1942-го, хотя это могло быть и в конце декабря 1941-го, я увидел крест, возвышающийся из снега»*.

СМИРНОВ: *«Это означает, что вы его видели уже в 1941-м или, по крайней мере, в начале 1942-го?»*

АРЕНС: *«Я только что дал такие показания»* (<http://katyn.codis.ru/nurkatyn.htm>).

Вышесказанное свидетельствует о том, что нацисты в начале 1942 г. а вероятнее всего, уже в конце 1941 г. знали о захоронениях в Козьих Горах, как высказался полковник фон Герсдорф, «все». Кстати, упомянутый Ф.Гетль в отчете о посещении Катыни писал, что согласно информации, сообщенной ему *«д-ром Грундманом из отдела пропаганды управления Генеральной губернией... в местности, называющейся Козьи Горы, немецкая армейская разведка открыла огромные братские могилы, в которых лежат убитые польские офицеры»* (Цит. по книге В.Абаринова «Катынский лабиринт»). Так кто же обнаружил захоронения в Козьих горах: немецкая полевая тайная полиция или армейская разведка во главе с фон Герсдорфом?

Ясно одно, что ссылка немцев на «местных жителей» в 1943 г. служила им лишь прикрытием. Подобное было возможно, если бы они «приложились» к катынскому преступлению и планировали использовать его в своих интересах.

Весной 1943 г. время «катынской операции» настало. После Сталинграда, когда ситуация на Восточном фронте для немцев стала ухудшаться, у «нацистского руководства» возникла идея, используя «катынскую карту», нанести «мощный» пропагандистский удар не только по Советам, но и по антигитлеровской коалиции в целом.

Вероятно, «добро» на «катынскую операцию» давал лично Гитлер. 13 марта 1943 г. он прилетал в Смоленск и встречался с начальником отдела пропаганды вермахта полковником Хассо фон Веделем, офицеры которого работали в Смоленске и Козьих Горах и готовили первичные пропагандистские материалы по «Катынскому делу». 6 апреля 1943 г. на совещании по катынскому вопросу в Берлине в министерстве имперской пропаганды акцентировалась роль полковника Веделя (ВИЖ, № 12, 1990).

Надо отметить, что через полгода Гитлер присвоил Х. фон Веделю звание генерала (<http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=19>; <http://militera.lib.ru/memo/german/below/04.html>).

13 апреля 1943 года «Радио Берлина» передало: *«По сообщению из Смоленска, местные жители сообщили немецкие власти о существовании там места массовых казней, где ГПУ было убито 10 тысяч польских офицеров...»* (В.Бушин. «Преклоним колена, пани...»). В то же время в официальном сборнике документов «Катынь. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы» приводится следующий текст сообщения берлинского радио: *«Из Смоленска сообщают, что местное население указало немецким властям место тайных массовых экзекуций, проведенных большевиками, где ГПУ уничтожило 10 000 польских офицеров...»* (с. 447).

Надо учитывать, что текст сообщения в сборнике «Катынь...» переведен с польского языка (из сборника документов «*Zbrodnia katynska w swietle dokumentow*». London, 1980. S. 85), т. е. немецкий текст переводился дважды: на польский, а затем на русский. Известно, что при двойном переводе неизбежны неточности. Наши попытки найти в российских архивах оригинальный немецкий текст сообщения «Радио Берлина» от 13 апреля 1943 г. пока не увенчались успехом.

Возникает вопрос, к чему такая скрупулезность? Смысл в текстах сообщения фактически один и тот же. Различия в текстах несущественные, за исключением одного. В варианте

В.Бушина жители «*известили*», а в сборнике «*указали*» немецким властям места массовых казней. Это имеет не только разный смысл, но и предполагает разную историю разворачивания событий в «Катынском деле». Соответственно, анализируя немецкую версию обнаружения захоронений в Катыни, это различие приобретает особое значение.

Начнем с того, что сообщение «Радио Берлина» не было началом Катынского дела. Напомним, что Гитлер прилетал в Смоленск в марте 1943 г., уже после того, как в феврале 1943 г. были осуществлены частичные раскопки захоронений в Козьих горах и немецкая тайная полевая полиция начала официальные следственные действия. 6 апреля 1943 г., как отмечалось, в министерстве имперской пропаганды по вопросу катынских захоронений состоялось совещание, на котором о ситуации доложил майор Бальцер.

Майор сообщил о том, как были обнаружены могилы в Катынском лесу: *«Случайно(!) обер-лейтенант полевой полиции группы армий «Центр» догадался (!) о том, что там, по-видимому(!), лежат горы трупов, а именно в том месте, где находятся два березовых креста, которые были поставлены там год тому назад двумя поляками, которые нашли трупы при проведении раскопок. На этом месте, которое заметно благодаря молодым посадкам сосен, теперь проведены раскопки и установлено, что там лежат слоями в 9—12 человек один над другим великое множество преимущественно или почти исключительно польских офицеров»* (ВИЖ, № 12, 1990).

В.Бушин считает, что этим «заявлением Бальцер не только решительно опроверг рассказ геббельсовского радио о «местных жителях», которые и без того выглядели крайне сомнительно, но и подтвердил нашу догадку о запрограммированности Геббельсом всего дела с

самого начала: мифический обер сделал свое дело, потом уж, когда программа была запущена, другой офицер полевой полиции, имя которого не было необходимости держать в тайне, – лейтенант Фосс, начал искать нужных свидетелей и с этой целью 3 мая 1943 года опубликовал «Обращение к населению». Там не очень грамотно, но точно указывал, какие именно сведения требуются.

Вот такие возникают версии, недоумения и вопросы. И чем глубже погружаешься в дело, тем их больше» (В.Бушин. «Преклоним колена, пани...»). Последний вывод В.Бушина особенно актуален для «Катынского дела».

В этой связи представляет интерес суждение о катынской пропагандистской акции одного из ее организаторов, обер-лейтенанта немецкой секретной полевой полиции (Geheime Feldpolizei) Грегора Словенчика. Скорее всего, именно он и был тем «мифическим» обер-лейтенантом, который «догадался» о массовых захоронениях в Катынском лесу и которого упомянул в своем докладе майор Бальцер.

25 апреля 1943 г. Г.Словенчик направил в Вену своей семье письмо с «отчетом» о своих трудовых «подвигах» на благо Германии. Это письмо цитирует в своей книге «Катынь» Ю.Мацкевич, но без фраз, которые определяют его подлинное содержание. Полный текст письма на польском и немецком языке приводит польский журналист Болеслав Вуйцицкий (Bolesław Wójcicki) в книге «Правда о Катynи», изданной в Польше в 1952 г. Представляем основные моменты этого письма.

«...Пишу уже не из Смоленска, а в 14 км оттуда, где с утра до вечера возжусь с моими трупами. Это неприятные парни. Несмотря на это я люблю их, этих несчастных парней с искаженными лицами, насколько это можно разобрать на оставшихся костях. Люблю их горячо, ибо благодаря им я смог наконец сделать что-то для Германии. И это прекрасно.

Катынь, изобретателем (Словенчик использует термин «erfinder», что означает «изобретатель») которой все же являюсь я, загружает меня непомерной работой. То, что здесь делается, – все лежит на мне. Под моим руководством ведется эксгумация останков – чтобы всегда был соответствующий пропагандистский материал, я принимаю все делегации, прибывающие ежедневно самолетами, а также распространяю тезисы доклада, которые, между прочим, обрабатываю я, кроме того, работаю над книгой «Конец Катynи».

В течение 4 недель я сплю по 4 часа, но дело так прекрасно и стоит того, что дает силы выдержать это. Самое прекрасное то, что все мои товарищи от коменданта и до моего... говорят, что никто не смог бы так осуществить это дело, как этот австрийский поручик из Вены.

...Мое самое большое достижение сегодня – это срыв дипломатических отношений между СССР и Польшей.

...Может быть, после окончания пропагандистской акции у меня появится возможность получить несколько недель отпуска для написания моей книги» (Wójcicki. «Prawda o Katyniu». С. 78–79).

Б.Вуйцицкий утверждал, что письмо Словенчика однозначно свидетельствует о том, что Катynь – дело рук немцев. С этим сложно согласиться. Из письма следует лишь то, что Катynь рассматривалась немцами как существенный пропагандистский козырь в борьбе против СССР. Этот момент подчеркнул сам Словенчик в разговоре с Ю.Мацкевичем (Мацкевич. Катynь. Глава 13).

Однако не следует преуменьшать значение Словенчика в Катынском деле, а следовательно, и его письма. Бывший австрийский поручик, потом венский журналист, с фамилией, явно имеющей славянские корни, постоянно акцентировал в разговоре с Мацкевичем, что он немец. Попав на службу в немецкую тайную полевую полицию в качестве пропагандиста, Словенчик всеми силами стремился доказать свою преданность Германии. Это явно прослеживается в тоне его письма.

О том, что Словенчик достаточно объективно охарактеризовал свою роль в Катыни, свидетельствует то, что буквально все прибывающие в Катынь делегации имели с ним дело. Грациан Яворовский (Gracjan Jaworowski), представитель Главного управления Польского Красного Креста в Варшаве, работавший в Козьих Горах в качестве члена Технической комиссии Польского Красного Креста с 8 мая 1943 г., в своем отчете называл Словенчика *«комендантом объекта»*, сопровождавшим делегации (*«Zeszyty historyczny»*. Paris, 1978 г., № 45. С. 4).

Особый интерес представляют несколько фраз в письме Словенчика. Прежде всего та, где он утверждал, что является *«изобретателем Катыни»*. Что Словенчик при этом имел в виду – свои предложения начальству по организации катынской пропагандистско-политической кампании или нечто большее, неясно. Словенчик был убежден, что разрыв дипломатических отношений между СССР и Польшей – его заслуга.

Интересно, но нечто подобное, только с обратным знаком, через два дня после отправки письма Словенчиком, 27 апреля 1943 г. заявил сам Геббельс: *«...мы должны отражать подозрения, что мы якобы изобрели катынское дело, чтобы вбить клин в неприятельский фронт»* (ВИЖ, № 12, 1990).

Сложно сказать насколько соответствует действительности заявление Словенчика о его «заслуге», но 17 апреля 1943 г. рейхсминистр имперской пропаганды Й.Геббельс констатировал: *«Катынское дело приняло такой размах, которого он сначала не ожидал. Если бы мы теперь продолжали работать исключительно умело и точно, придерживались принципов, которые определены здесь на конференции, если бы мы далее позаботились о том, чтобы никто не выходил вон из ряда, то можно было бы надеяться, что нам удастся катынским делом внести довольно большой раскол во фронт противника»* (ВИЖ, № 12, 1990).

После сообщения «Радио Берлина» о Катыни все силы нацистских пропагандистов были брошены на раскручивание «Катынского дела». Они выполняли личную директивную установку главного нацистского пропагандиста доктора Й.Геббельса о том, что *«центр тяжести нашей пропаганды в ближайшие дни и далее будет сосредоточен на двух темах: атлантический вал и большевистское гнусное убийство»*.

Миру нужно показать на эти советские зверства путем непрерывной подачи все новых фактов. В особенности в комментариях надо, как это частично уже было, показать: это те же самые большевики, о которых англичане и американцы утверждают, что они якобы изменились и поменяли свои политические убеждения. Это те же самые большевики, за которых молятся в так называемых демократиях и которых благословляют в торжественном церемониале английские епископы. Это те же самые большевики, которые уже получили от англичан абсолютные полномочия на господство и большевистское проникновение в Европу...» (ВИЖ, № 12, 1990).

На том же совещании 17 апреля, говоря о катынском расследовании, Геббельс особо подчеркивал: *«Немецкие офицеры, которые возьмут на себя руководство, должны быть исключительно политически подготовленными и опытными людьми, которые могут действовать ловко и уверенно. Такими должны быть и журналисты, которые будут при этом присутствовать... чтобы в случае возможного нежелательного для нас оборота дела можно было соответствующим образом вмешаться»*.

Особый упор Геббельс делал на эмоциональное воздействие катынского преступления на поляков: *«Глубокое впечатление, которое произвело все это дело на польский народ, необходимо изобразить снова и снова посредством новых свидетельских показаний, передачи настроений из Кракова и т. д.»*

Вообще нам нужно чаще говорить о 17—18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешить послать домой письмо и т. д., так как это действует особенно потрясающе» (ВИЖ, № 12, 1990).

Кстати, эта установка Геббельса до сих пор на вооружении у пропагандистов Речи Посполитой. Оценивая современные польско-российские отношения, необходимо с горечью признать: «Дело Геббельса живет и процветает».

Необходимо напомнить, что Геббельс не испытывал какого-либо сожаления по поводу гибели польских офицеров. Более того, он неоднократно критиковал вермахт *«за излишне мягкое отношение к пленным польским офицерам»*. И тот же Геббельс вдруг проявил такое внимание к расстрелянным, «расово неполноценным» по его пониманию, польским офицерам?! Не вызывает сомнения, что у нацистов, помимо желания, возбудить ненависть у Европы против «бесчеловечных большевиков», было большое желание замаскировать свои расстрелы расстрелами НКВД. Ведь только в Смоленске и его ближайших окрестностях они уничтожили 135 тысяч человек, а на территории всей Смоленской области – около 450 тысяч!

Продолжим цитирование высказываний доктора Геббельса относительно организации немецкого «расследования» катынского преступления: *«Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись на вещи, которые не соответствуют нашей линии»*.

Странное указание, если учесть, что нацистам якобы было «точно известно» что в катынских могилах находятся только жертвы ГПУ-НКВД?! Какого «нежелательного оборота» боялся Геббельс? Помимо этого министр имперской пропаганды, а точнее, дезинформации, опасался, как бы *«при раскопках не натолкнулись на вещи, которые не соответствуют нашей линии»*. Почему он был уверен, что такие вещи могут быть в раскопках?

Не об этих ли «вещах» сообщала телеграмма начальника Главного управления пропаганды Хейнриха, посланная 3 мая 1943 года из Варшавы в Краков главному административному советнику Вайнрауху. Телеграмма была снабжена строжайшим грифом: *«Весьма важно. Немедленно»*. Ее текст был следующий: *«Секретно. Часть польского Красного Креста вчера из Катynи возвратилась. Служащие польского Красного Креста привезли гильзы патронов, которыми были расстреляны жертвы Катynи. Оказалось, что это немецкие боеприпасы калибра 7,65 фирмы Геко»* (так в тексте, переведенном капитаном Гришаевым. ВИЖ, № 12, 1990).

В этой связи необходимо сказать о периодически цитируемых различными авторами фрагментах из дневника Геббельса, из которых, казалось бы, следует, что Геббельс Катynское дело называл *«аферой»*. Дело в том, что дневники Геббельса впервые были массово изданы в 1948 г. в Нью-Йорке и Лондоне в переводе на английский язык. Изданный тогда же в Цюрихе оригинальный немецкий вариант был мало кому доступен. На русский язык эти фрагменты дневников были переведены именно с английского текста причем, не вполне точно.

В результате английский термин «affair» (дело) был ошибочно переведен созвучным «афера», а «munition» (боеприпасы) – созвучным «амуниция». Советскому читателю ошибочный перевод предложил в 1968 г. чешский публицист Вацлав Краль в своей книге «Преступление против Европы» (Стрыгин. Рецензия на главу «Катynь» из книги А. И. Шиверских).

Более точный русский перевод этого фрагмента дневника Геббельса изложен в книге А.Деко «Великие загадки XX века». *«К несчастью, в Катynи были найдены немецкие боеприпасы (в книге Крала «обмундирование»)*. Полагаю, это то, что мы продали Советам, еще когда дружили, и это хорошо им послужило... а может, они и сами побросали пули в могилы. Но главное, что это должно остаться в тайне. Поскольку если это всплывет на поверхность и станет известно нашим врагам, все дело (в книге Крала «афера») о Катynи лопнет» (Деко. Великие тайны... С. 289).

Однако, несмотря на эти уточнения, смысл рассуждений Геббельса не меняется – он говорит о страхе, что вся затея в Катynи может рухнуть. Значит, «знала кошка, чье мясо съела»?

В этой связи необходимо особое внимание обратить на технологию немецкой эксгумации трупов польских военнопленных, осуществленной в марте-июне 1943 г.

Эксгумация по-немецки

Польская позиция по «Катынскому делу» во многом базируется на результатах эксгумационных работ, осуществленных в Козьих Горах (Катынь) в период с 29 марта по 7 июня 1943 г. немецкими экспертами во главе с профессором из Вроцлава Герхардом Бутцем, при участии представителей Технической комиссии Польского Красного Креста (Катынский синдром. С. 153–154. Мацкевич. Катынь, приложение 15. Отчет профессора медицины доктора Бутца).

Наиболее четко позицию в отношении немецкого катынского расследования выразил премьер-министр Англии У Черчилль. В письме Сталину от 24 апреля 1943 г. он написал: *«Мы, конечно, будем энергично противиться какому-либо «расследованию» Международным Красным Крестом или каким-либо другим органом на любой территории, находящейся под властью немцев. Подобное расследование было бы обманом, а его выводы были бы получены путем запугивания»* (Катынь. Расстрел. С. 423, 457). Анализ методики раскопок и опубликованных результатов проведенной немцами эксгумации в Козьих Горах подтверждают выводы английского политика.

Однако польское правительство в эмиграции поддержало немецкую версию катынского преступления. После 14 апреля 1943 г. газета польских коллаборантов в оккупированной Варшаве «Новый курьер Варшавский» начала публиковать списки катынских жертв с соответствующими комментариями. Вслед за этим польское правительство в эмиграции 17 апреля, несмотря на предостережение У Черчилля, приняло решение обратиться в Международный Комитет Красного Креста (МККК) с просьбой выслать в Катынь комиссию, которая провела бы расследование.

По странному совпадению, именно в это время с аналогичной просьбой в МККК обратилась Германия, что зародило подозрение о совместном обращении поляков и немцев в МККК. Такой одновременный демарш вызвал крайне негативную реакцию руководства СССР, а также Великобритании и США. 26 апреля 1943 г. СССР разорвал дипломатические отношения с польским правительством в эмиграции. 28 апреля 1943 г. под давлением руководства Великобритании премьер-министр Сикорский отозвал польское обращение в МККК (Катынский синдром. С. 157–162).

Пытаясь убедить мировое сообщество в своей объективности, нацисты постарались максимально привлечь иностранные и международные организации к работам по эксгумации тел, захороненных в Катыни. Однако Международный Красный Крест (МКК) не поддавался давлению Германии и отказался участвовать в расследовании.

Потерпев неудачу с МКК, нацисты спешно сколотили некую «Международную медицинскую комиссию» из представителей 13 подконтрольных Германии стран и Швейцарии. Представитель Испании профессор Пига умело уклонился от выполнения немецкого задания и отстал от остальных членов комиссии в Берлине, а представитель вишистской Франции профессор Костедо наотрез отказался ставить свою подпись под итоговым документом.

28 апреля 1943 г. эта комиссия прибыла в Катынь и уже 30 апреля было готово заключение, утверждавшее, что расстрел польских офицеров был произведен советскими властями в марте – апреле 1940 г. Однако среди членов комиссии возникли разногласия, и она покинула смоленск, не подписав этого заключения.

На обратном пути в Берлин немцы посадили самолет с экспертами на авиабазе в Бялой подляске, где им в ангаре «ненавязчиво» еще раз предложили подписать вышеупомянутое заключение, датированное «Смоленск, 30 апреля 1943 г.». Заключение в мае 1943 г. опубликовали в газетах, а в сентябре 1943 г. – в «Официальных материалах о массовых убийствах в Катыни» (Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. С. 114–118).

Польские историки особо подчеркивают, что нет никаких оснований сомневаться в честности и профессионализме доктора Бутца. Правда, они забывают указание Геббельса о том, чтобы руководство процессом эксгумации в Катыни взяли на себя *«исключительно политически подготовленные и опытные»* немецкие офицеры. Вряд ли доктор Бутц хотел иметь неприятности с гестапо или с ведомством Геббельса, особенно в вопросах, находящихся на личном контроле у фюрера.

Не случайно чешский профессор Ф.Гаек, один из тринадцати членов международной комиссии, посетившей Козьи Горы 28–30 апреля 1943 г. в своих «Катынских доказательствах» утверждал, что *«каждому из нас было ясно, что если бы мы не подписали протокол, который составили проф. Бутц из Вроцлава и проф. Орсос из Будапешта, то наш самолет ни в коем случае не вернулся бы»* (Гаек. Катынские доказательства. <http://katyn.ru/index.php?go=Pages8dn=view&d=739&page=1>).

Упомянутый Ф.Гаеком проф. Орсос, в доверительной беседе в 1947 г. с югославским разведчиком Владимиром Миловановичем, которого он считал ярым антикоммунистом, сообщил, что на основании того, что немцы показывали, а в основном, что скрывали в Катыни, он пришел к выводу, что польских офицеров расстреляли нацисты («Вечерне новости». Белград, март 1989 г. Абаринов. Катынский лабиринт. Глава «Лжеэксперты»).

По решению Польского Красного Креста (ПКК) 14 апреля 1943 г. в Смоленск прибыли 3 польских эксперта из состава Технической комиссии ПКК. Следующие 12 представителей Технической комиссии во главе с доктором судебной медицины Марианом Водзиньским прибыли в Катынь 29 апреля 1943 г. Польская комиссия была демонстративно названа «технической», дабы подчеркнуть ее неофициальный характер. Она работала в Козьих Горах до 9 июня 1943 г. (Катынь. Расстрел. С. 428, 480, 487).

Вот как ситуацию с участием поляков в немецкой эксгумации описывал очевидец этих событий уже упомянутый Г.Яворовский, представитель Главного управления Польского Красного Креста в Варшаве, в своем отчете, в 70-х годах тайно переправленном на Запад: *«Эксгумация производилась под надзором немецкой жандармерии, а также какой-то польской жандармской части. (В ее состав входили молодые люди, главным образом из Львова, в немецких мундирах, но без немецких гербов на головных уборах)...*

Эксгумационные работы проводил доктор Водзиньский, явно выраженный наркоман...

С немецкой стороны мы испытывали постоянное давление, чтобы мы четко сказали, что преступление – дело рук НКВД. Мы отказались сделать такое заявление. Но не потому, что у нас были какие-то сомнения, виновник был очевиден. Мы не хотели, чтобы нас использовали в гитлеровской пропаганде» («Zeszyty historyczne», Paris, № 45, 1978 г. С. 4)

В то же время Леопольд Ежеский в своей книге «Катынь. 1940» утверждал: *«Все показания членов польской комиссии свидетельствуют, что немецкая сторона предоставила им большую свободу исследований и выводов, не оказывая на них никакого давления»* (Ежеский. Глава «Расследование и политика»).

О поистине «большой» свободе исследований поляков во время эксгумации в Катыни свидетельствует отчет Технической комиссии Польского Красного Креста, в котором говорится: *«Члены комиссии, занятые поиском документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только упаковывать следующие документы: а) бумажки; б) всевозможные бумаги; в) награды; г) медальоны; д) погоны; е) кошельки; ж) всевозможные ценные предметы»* (Катынь. Расстрел. С. 481).

Польские технические исполнители лишь складывали найденные на трупах русскими чернорабочими предметы в пронумерованные конверты, которые вслед за этим немедленно запечатывались и помещались на столе. Два раза в день, в полдень и вечером, запечатанные конверты опраивали с немецким мотоциклистом в бюро секретариата тайной полиции.

Последующее изучение документов и установление фамилий жертв, хоть и проводилось в присутствии поляков, но позднее и в другом месте, куда упакованные пакеты доставлял, как отмечалось выше, немецкий мотоциклист (Катынь. Расстрел. С. 482). Что происходило с конвертами с момента, когда их увозили на мотоцикле из Козьих Гор и до момента, когда их вновь предъявляли польским представителям, можно только догадываться.

Особо следует подчеркнуть, что, в нарушение элементарных канонов эксгумаций, немецкие эксперты при составлении официального эксгумационного списка катынских жертв умышленно не указывали, из какой могилы и какого слоя были извлечены трупы польских военнопленных.

Подобная система позволяла манипулировать вещественными доказательствами. Необходимо заметить, что эксгумацию в Катynи немцы начали 29 марта 1943 г., т. е. почти за три недели (!) до приезда первых представителей Технической комиссии ПКК. *Примечание.* Первые частичные раскопки захоронений польских офицеров немцы провели 18 февраля 1943 г.

В отчете Технической комиссии ПКК отмечалось, что к приезду поляков немцы уже «идентифицировали тела № 1–420». Также отмечалось, что с № 421 до № 794 составление списков идентифицированных тел велось на немецком языке и комиссия ПКК не могла сверить их «с черновиком, так как она уже не имела к ним доступа». При идентификации останков с № 795 до № 4243 списки составлялись и на польском языке (Катынь. Расстрел. С. 483).

Вышесказанное свидетельствует о том, что немецкие эксперты в период эксгумации обладали полной свободой действий для соответствующей обработке вещественных доказательств. При этом они располагали достаточно обширным материалом с первоначально эксгумированных трупов, которые впоследствии можно было бесконтрольно использовать для фальсификации результатов эксгумации.

Неясно, вошли ли в эксгумационный список первые 300 эксгумированных трупов польских военнопленных. Их обнаружили в «польской» могиле, вскрытой и полностью эксгумированной до приезда в Козьи Горы первых иностранных представителей. Об этом спустя полвека, в 1990 г., сообщил участник немецкой эксгумации Михей Кривозерцев. О могиле с первыми 300 трупами немцы нигде не упоминают. Согласно официальным заявлениям немецких экспертов, первой могилой, из которой начали извлекать трупы польских военнопленных, была могила № 1. Но в ней насчитали 2500 трупов.

По словам М. Г. Кривозерцева, из первой могилы были извлечены 18 трупов «евангелистов», «при них были валенки, но не на ногах, а веревочкой перевязанные, чтобы на плече нести, и в валенках запрятано сало и сухари». Под трупами евангелистов, которых немецкий офицер велел перезахоронить в другом месте, нашли «человек триста поляков». В новом раскопе, на «глубине опять пошли вещи женские и наши люди» (Жаворонков. О чем молчал Катynский лес... С. 56).

Как свидетельствуют М. Г. Кривозерцев и жительница Катynи Н. Ф. Воеводская, технология эксгумации этих 300 трупов кардинально отличалась от последующей. В первые дни раскопок немцы не работали с останками в Козьих Горах, а возили их в деревню Борок. Там после исследования их черепа «вываривали в огромных металлических чанах, стоявших прямо на улице деревни», чтобы нагляднее были видны пулевые каналы (Жаворонков. О чем молчал Катynский лес... С. 56. «Дорогами памяти». Сборник воспоминаний. Выпуск 3). О судьбе останков этих 300 поляков ничего не известно.

Не вызывает сомнений тот факт, что немцы в первоначальный период эксгумировали значительно большее количество трупов, нежели указывали в официальных отчетах. Уже упомянутый секретарь немецкой тайной полевой полиции Л. Фосс в своем рапорте от 22 апреля 1943 г. утверждал, что «до сих пор опознано 600 трупов» (Мацкевич. Катynь. Гл. 13). Учитывая, что опознанные трупы составили 67,9 %, несложно подсчитать, что к 22 апреля должно было быть эксгумировано около 900 трупов.

Данные Фосса о начальном периоде эксгумации в какой-то мере подтвердил уже упомянутый Ф.Гетль, побывавший в Козьих Горах в составе «первой» польской делегации (комиссии) еще до официального сообщения «Радио Берлина» 12 апреля 1943 г.

Надо отметить, что для Ф.Гетля, ярого поклонника Гитлера, как для лидера польских журналистов и писателей, немцы приготовили специальную VIP-программу. Он так описывал пребывание в Смоленске и Катynи. *«На аэродроме в Смоленске мы приземлились около полудня. Во второй половине дня в сопровождении немцев мы осмотрели город, вечером нам представили в офицерском казино трех офицеров из отдела пропаганды смоленской армии: двух лейтенантов и одного капитана.*

Вопрос о Катynи нам изложил Словенчик [командир роты пропаганды (Aktivpropagandakompanie)], лейтенант запаса, кажется, журналист по профессии, родом из Вильно. Из двух остальных один представился как скульптор из Инсбрука. К нашему разговору время от времени прислушивался еще какой-то лейтенант со знаками различия «Гехайм полицай» [тайная полиция]. Думаю, что это был Фосс, о котором я узнал позднее.

Словенчик познакомил нас с «катынским делом» более подробно: показал фотографии леса, трупов, а также найденных при них документов. Показал он и некоторые подлинные документы, уже обеззараженные...

Назавтра утром мы поехали на автомашинах в Козьи Горы. Свернув в лес, мы остановились около огромной раскопанной ямы. Это был длинный ров, выкопанный, по-видимому, во всю длину и глубину могилы, но не охвативший ее в ширину, о чем свидетельствовали торчавшие по бокам рва головы и ноги трупов, еще оставшихся в земле.

Срез по всей длине ямы наглядно свидетельствовал о том, что трупы погребались в строгом порядке и укладывались слоями, один на другой, в несколько этажей. Могила была вырыта в холмистой местности, и в ее высоких частях земля была сухой, глинисто-песчаной, нижние же ее части заливали грунтовые воды. Неподалеку начали раскапывать вторую могилу, где пока был виден еще только первый слой трупов. На раскопках обеих могил работали местные жители, русские.

Возле могил стоял наспех сколоченный домик, в котором работала эксгумационная группа под руководством доктора Бутца, профессора судебной медицины Вроцлавского университета. Профессор Бутц был в мундире полковника. Работы группы лишь начались. На лесной поляне неподалеку от могилы лежало около двухсот трупов, вынутых из могилы и ожидающих судебно-медицинского вскрытия в том порядке, как были выкопаны. Трупы были пронумерованы и уложены в несколько рядов...

Среди разложенных вокруг домика трупов были опознанные уже останки генералов Смравиньского и Бохатыревича...

От доктора Бутца я получил еще список фамилий тех, чьи трупы он уже успел осмотреть и чью личность идентифицировал. Их было тридцать человек...» (Цит. по: В. Абаринов. Катynский лабиринт).

Необходимо сделать небольшое уточнение. Гетль 12 апреля увидел в Козьих горах около двухсот пронумерованных трупов. В то же время, согласно дневнику эксгумаций, труп под № 124 был эксгумирован только 14 апреля. Вновь несоответствие свидетельства очевидца и официальных данных.

А теперь обратимся к одному из первых историографов Катynи Юзефу Мацкевичу. Он утверждал, что 17 апреля 1943 г. *«о числе убитых вопрос тогда не поднимался, потому что открытие могил едва началось, границы между ними не были установлены, а общая площадь между раскопками указывала скорее на достоверность немецкой цифры – от 10 до 12 тысяч».* Более того, он отметил, что иностранные корреспонденты *«попросили, чтобы при них раскопали какую-нибудь еще нетронутую могилу. Немцы исполнили их желание, и присутствующи-*

щие убедились в том, что слипшийся слой трупов явно лежал в полной неприкосновенности со времени расстрела» (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Ю.Мацкевич также писал, что 17 апреля пленные польские офицеры *«предполагали, что перед ними одна огромная могила. Они измерили ее площадь и глубину и на основании вычислений пришли к убеждению, что немецкие утверждения – от 10 до 12 тысяч тел – скорее всего правильны. Поручик авиации Ровинский сделал даже отдельную зарисовку этой «общей» братской могилы» (Мацкевич. Катынь. Глава 13).*

Мацкевич описывал ситуацию, которая могла быть только до приезда Ф.Гетля. Однако он датировал ее 17 апреля, а Гетль в Козьих Горах был 12 апреля. Причем Гетль подчеркивал, что посередине могилы № 1 во всю ее длину был выкопан глубокий ров, позволяющий определить ее размеры и видеть расположение трупов.

Ясно, что Мацкевич лжет. Правда, его можно понять. О начальной стадии эксгумационных работ в Козьих Горах он писал с чужих слов. Сам Мацкевич попал в Катынь только во второй половине мая 1943 г., то есть к завершению раскопок и эксгумации. Но вот тот, кто предоставил Мацкевичу информацию о первоначальном периоде эксгумации, явно «темнил».

Необходимо учесть, что позицию Ю.Мацкевича при освещении катынских событий во многом определяли его убеждения. Известно, что до войны он был германофилом. Не случайно немцы нашли его под Вильнюсом и предложили поехать в Катынь. Мацкевич предпочитал не замечать деталей, противоречащих его восприятию катынской проблемы.

Он особо подчеркивал, что немцы не могли пойти на фальсификацию катынских документов из-за *«большого числа свидетелей, которых сами пригласили. Это лишний раз доказывает, какой большой вес немцы придавали гласности и объективному исследованию катынского массового преступления. В таких условиях они не могли позволить себе скрыть ряд документов и этим бросить тень или подорвать доверие к следствию, результаты которого их пропаганда с такой энергией разносила по всему свету» (Мацкевич. Катынь. Глава 14).*

Это более чем наивное объяснение. Но надо понимать, что любую информацию, противоречащую их версии, нацисты пресекли бы в зародыше, не посчитавшись ни с какими жертвами. Мацкевич как журналист, проживший в условиях оккупации более двух лет, хорошо знал это. Не случайно и отчет Технической комиссии носит достаточно обтекаемый характер, без четких выводов и обобщений, чтобы не раздражать немцев. Тем не менее польская сторона и некоторые российские историки до сих пор подходят к результатам немецкой эксгумации не критически.

Ю.Мацкевич, как и Л.Ежевский, особо подчеркивал: *«Немцы ни в чем не ограничивали свободу действий и инициативу офицеров при изучении тел убитых, документов и т. д.»*. Это утверждение мало согласуется с информацией Технической комиссии о том, что в ходе раскопок права польских представителей ПКК захоронений были ограничены определенными рамками, которые делали их техническими исполнителями черновой работы.

Другое дело, что немцы в специально «подготовленных» местах стремились не стеснять свободу «проверяющих». Это давно известный прием фальсификаторов и цирковых фокусников, которые для создания иллюзии предоставляют зрителям в заранее установленных рамках полную свободу действий. В дальнейшем мы изложим еще одно свидетельство, которое покажет, какой «свободой» пользовались «экскурсанты» в Козьих Горах.

О том, что видели члены Международной комиссии экспертов 29 апреля 1943 г., писал один из ее членов Ф.Гаек в своей брошюре «Катынские доказательства»: *«На следующий день мы автобусом уехали в Катынский лес, где штабной врач, профессор судебной медицины во Вроцлаве доктор Бутц, уполномоченный немецким военным командованием к руководству раскопками, показал нам все могилы, эксгумированные трупы, обнаруженные при них документы, и в нашем присутствии провел одно вскрытие.*

До нашего появления из могил были извлечены 982 трупа, из них 58 были вскрыты, остальные только осмотрены внешне.

На следующий день, т. е. в пятницу 30 апреля 1943 г., мы провели вскрытие 9 трупов. Было позволено выбрать труп из любой ямы по своему усмотрению, поэтому для меня подняли два трупа из седьмой ямы».

Член той же комиссии экспертов венгерский профессор Орсос 29 апреля лично «занимался», по выражению Ю.Мацкевича, черепом трупа под № 526 (Мацкевич. Катынь. Глава 12). Согласно немецкому дневнику эксгумации труп № 526 был эксгумирован 24 апреля 1943 г.

Упомянутый ранее Г. Яворовский, прибывший в Козьи Горы 29 апреля, увидел «множество разрытых могил и уложенные рядами выкопанные из земли трупы... Когда мы покидали Катынь, там еще оставались невскрытые и недораскопанные могилы. Немцы пробовали искать другие захоронения даже при помощи щупов, надеясь найти, в конце концов, несколько тысяч трупов. Однако поиски не дали результатов».

Казалось бы вышеизложенное, за исключением сведений излагаемых Ю.Мацкевичем, подтверждает данные рапорта секретаря немецкой тайной полевой полиции Л.Фосса. Но существуют и другие свидетельства.

Воеводская Нина Филипповна, бывшая жительница деревни Катынь, сообщила сотрудникам смоленского мемориального комплекса «Катынь» важную информацию о начале раскопок в Катынском лесу в 1943 г. Необходимо заметить, что Нина Федоровна убеждена, что поляков расстреляли сотрудники НКВД. О ней говорилось выше в связи с эксгумацией первых 300 трупов, проводившейся немцами в деревне Борок.

Н.Воеводская пересказала то, что говорил «сторож катынской почты. Он рассказывал сельчанам, как немцы его и еще несколько десятков местных жителей согнали в Катынский лес. В лесу было холодно, кругом лежал снег. Вдоль леса стояло оцепление из немцев, вооруженных автоматами. Жителей выстраивали вдоль могил, обложенных хворостом. Под прицелом оружия местные жители раскапывали могилы, изымая оттуда трупы. Для работы давали рукавицы, т. к. было очень холодно и морозно, мерзли руки. Трупы были хорошо сохранившимися, одежда целой, сукно не разложилось, особой белизной поражали шарфы на шее погибших. Трупы грузили на телеги и довозили до д. Борок, где занимались более подробным их изучением» («Дорогами памяти». Сборник воспоминаний. Вып. 3).

Из рассказа Н.Воеводской ясно, что еще до наступления теплого периода могилы не только вскрывались, но оттуда доставались хорошо сохранившиеся трупы. Напомним, что в свидетельствах Гетля и Мацкевича указывается, что открытие могил началось чуть ли не в середине апреля. Г.Яворовский, да и другие утверждали, что трупы не были в таком «хорошем» состоянии, которое описывает Н.Воеводская. Более того, как сохранили в течение трех лет белизну шарфы на погибших? Кто же ошибается?

Существует очень серьезный аргумент, свидетельствующий в пользу Н.Воеводской. В отчете Технической комиссии ПКК отмечалось, что основные семь могил были вскрыты немцами еще в марте 1943 г. «Во время работы Технической комиссии ПКК в Катынском лесу в период с 15 апреля по

7 июня 1943 г. эксгумировано всего 4243 трупа, из которых 4233 изъято из семи могил, находящихся на небольших расстояниях одна от другой и раскопанных в марте 1943 года немецкими военными властями. Из упомянутых семи могил извлечены все останки». Вероятно, это то холодное время, о котором рассказывает Н.Воеводская. В конце марта в Катынском лесу еще лежал снег.

Следует заметить, что восьмая могила с несколькими сотнями трупов была обнаружена только 28 мая 1943 г. В сборнике документов «Катынь. Расстрел...» ошибочно указана дата 28 июня (Катынь. Расстрел. С. 483). Ю.Мацкевич пишет, что из этой могилы были извлечены «тринадцать трупов польских военных», которые «после вскрытия, исследования и отбора

доказательного материала были вновь похоронены в той же могиле». В сборнике документов «Катынь. Расстрел...» утверждается, что из могилы было извлечено *«только 10 трупов. Они были захоронены в открытой тогда еще шестой братской могиле»* (Катынь. Расстрел. С. 483).

Получается, что рассказы некоторых «очевидцев» о том, что при них в апреле 1943 г. в Козьих Горах вскрывали нетронутые могилы или только начинали раскапывать могилу № 2, фальсификация? Не будем торопиться с выводами. Прежде обратимся еще к нескольким свидетельствам.

Бывший бургомистр Смоленска Б.Г.Меньшагин, сторонник версии, по которой поляков расстреляли сотрудники НКВД, в своих воспоминаниях, изданных в 1988 г. в Париже, утверждал, что 18 апреля 1943 г. он увидел в Козьих горах *«около пяти – пяти с половиной тысяч трупов»* (Меньшагин. Воспоминания... С. 130). Не вызывает сомнений то, что Меньшагин видел трупы именно в Козьих горах, так как там присутствовали останки двух польских генералов М.Сморавиньского и Б.Богатыревича.

Меньшагин отмечал, что *«по признакам убийства и смерти не похоже было, что их убили немцы, потому что те стреляли обычно так, без разбора. А здесь методически, точно в затылок, и связанные руки»* (Меньшагин. Воспоминания... С. 130). Правда, здесь он лукавит. Известно, что именно немцам присуща методичность и точность. Но не будем оспаривать выводы Меньшагина. Для нас важнее факты, изложенные им.

Трудно поверить, что Меньшагин принял 400 трупов за 5000. Более того, ситуацию в Козьих Горах на 18 апреля 1943 г. он описывал так: *«Немножко проехали и увидели эти могилы. В них русские военнопленные выгребали последние остатки вещей, которые остались. А по краям лежали трупы. Все были одеты в серые польские мундиры, в шапочки-конфедератки. У всех были руки завязаны за спиной. И все имели дырки в районе затылка»* (Меньшагин. Воспоминания... С. 130).

Меньшагин, в свое время был адвокатом и обладал великолепной памятью в целом и особенно на детали. В предисловии к его воспоминаниям отмечалось, что *«Меньшагин давал только факты. В этом Борис Георгиевич был тверд и профессионален: если даты, то обычно точные, если имена или фамилии, то аккуратно сохраненные его небывалой памятью»*.

Из вышесказанного ясно, что к 18 апреля около 5–5,5 тысячи трупов были уже извлечены из могил и оттуда доставались лишь остатки вещей. В то же время официальные немецкие источники и «очевидцы» утверждали, что эксгумация была в самом начале. Более того, из могил немцы извлекли всего 4243 трупа. Как объяснить эти противоречия, мы расскажем позже.

Для нашего расследования особый интерес представляет свидетельство бывшего начальника санитарной службы Краковского отделения Польского Красного Креста Адама Шебеста, который входил в созданную нацистами так называемую «вторую польскую комиссию», прибывшую в Козьи Горы 17 апреля 1943 г., т. е. в день, который достаточно подробно описал Ю.Мацкевич.

В своем интервью польской газете «Дзенник заходни» от 20 марта 1952 г. А. Шебест заявил: *«По прибытии в Смоленск нас собрали в зале, где немецкий поручик (вероятно, Словенчик. – Авт.) зачитал обширный доклад, в котором излагались происхождение и история якобы случайно открытых могил... Доклад был так построен, что представлял готовое заключение о времени совершения преступлений и его виновниках»*.

Затем нас на автомашинах повезли в Катынь. Вся ее территория находилась под охраной жандармских постов... Нас ожидала толпа фоторепортеров и кинооператоров, которые непрерывно фотографировали каждый наш шаг, каждое движение. Нас вели по заранее намеченному маршруту и показывали нам (внимание! прим. авторов) поочередно ряд либо частично, либо полностью разрытых могил. Мы дошли до ближайшей поляны, на которой уложенными рядами лежали трупы военнопленных, одетых в польскую форму. Мне броси-

лось в глаза, что трупы лежали как бы в иерархическом порядке: на первом плане находились трупы двух генералов, затем полковники и т. д.

Сопровождавший нас немецкий врач показал трупы с простреленными черепами и заявил при этом, что калибр оружия, которым были расстреляны военнопленные, соответствует советскому оружию...»

Напомним, что Мацкевич утверждал, что в этот день «открытие могил едва началось, границы между ними не были установлены».

На вопрос, располагала ли громко именуемая польская «комиссия» свободой действий, А.Шебест ответил: *«Не располагала даже в минимальной степени. Во-первых, мы находились в Катыни не более одного часа, во-вторых, каждый из нас находился под надзором многочисленных ассистентов (вспомним указание Геббельса, прим. авторов), и в случае, если кто-нибудь задерживался или изменял навязанный маршрут, его немедленно возвращали в группу. Мы могли видеть то, что нам хотели показать»* (источник: ТАСС, 20.III.52. л. 171 – 1740)

Данное интервью появилось в польской газете в качестве контраргумента выводам американской комиссии Мэддена. Поэтому ТАСС озаглавил свой материал от 20 марта 1952 г. соответствующим образом – «Польский врач Адам Шебеста разоблачает катынскую провокацию американцев».

В этой связи возможно возражение. Врач-подполковник в отставке А.Шебеста, получая пенсию от Польской Народной республики и желая остаться лояльным народной власти, мог сказать в своем интервью то, что от него хотели. Вполне вероятно, что так и было в плане общей направленности интервью, но не в деталях, которые легко проверяются.

А.Шебеста не указал точную дату посещения Козьих Гор. Это крайне важно для определения степени достоверности его свидетельства, тем более, что оно фактически опровергает утверждение Ю.Мацкевича о начале эксгумации катынских захоронений.

Установить точную дату пребывания А.Шебеста в Козьих горах помог тот же Ю.Мацкевич. В книге «Катынь» он писал. *«Через несколько дней в Катынь прибыла вторая польская группа – профессионально-технического состава, к которой, однако, примкнул краковский каноник о. Станислав Ясинский, доверенный архиепископа и митрополита краковского Адама Сапегы (Sapieha) и журналист Мариан Мартенс. Остальные – только врачи и сотрудники Польского Красного Креста: доктор А.Шебеста, доктор Т. Суш-Прагловский, доктор Х. Бартошевский, С.Кляперт, (J.)Скаржинский (генеральный секретарь ПКК), Л.Райкевич, (J.)Водзиновский, С.Колодзейский, З.Боговский (Bohowski) и Р.Банах. Часть этой делегации осталась дольше в Катыни и приняла участие в работе по извлечению и опознанию трупов»* (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Факт пребывания А.Шебеста в Катыни также подтверждает тематическое досье вестника иностранной служебной информации ТАСС (ГАРФ, ф. 4459, оп. 27 часть 1, д. 1907, л. 7), в котором сообщается, что 19 апреля 1943 г. *«в генерал-губернаторство вернулась вторая комиссия по расследованию замученных большевиками польских офицеров под Смоленском. В делегации принимали участие сендз Ясинский, Стажинский, Похорский Сигизмунд и другие»*.

В досье ТАСС допущена ошибка в написании фамилии генерального секретаря ПКК К.Скаржиньского (Стажинский). В своем интервью А.Шебеста упоминал в качестве члена комиссии *«секретаря главного правления Польского Красного Креста, хорошо владеющего русским языком»* Скаржиньского, которого при переводе с польского 1952 г. вновь назвали Стажинским.

Не вызывает сомнений, что А.Шебеста был в Козьих Горах 17 апреля 1943 г. Вместе с ним на раскопках были К.Скаржиньский (генеральный секретарь ПКК) и другие польские представители, в том числе первые три представителя Технической комиссии ПКК. Помимо этого в «экскурсии» по Козьим Горам участвовала группа иностранных корреспондентов, состоявшая из *«корреспондента шведской газеты «Стокгольме тиднинген» Едерлунд*

(Jaerderlund), корреспондента швейцарской газеты «Бунд» Шнетцер, корреспондента испанской газеты «Информационес» Санчес и ряда других журналистов из стран, оккупированных Германией» и делегация из 6 военнопленных польских офицеров, привезенных из офицерских лагерей в Германии.

Надо полагать, что А.Шебеста в интервью в 1952 г. рассказывал о том, что он видел в Катыни. Другое дело, какие пропагандистские выводы А.Шебеста сделал в интервью. Их мы специально не затрагиваем. Нас интересуют, как уже говорилось, детали посещения им Катыни, которые ему не было смысла искажать.

Это, прежде всего, информация о том, что в начале апреля в Катыни было частично или полностью открыто НЕСКОЛЬКО могил, а не могилы № 1 и № 2, как утверждало большинство свидетелей и немецкие эксперты. Трупы выкладывались не согласно порядку их извлечения из могил, а в зависимости от их пропагандистской значимости. Не случайно впоследствии немецкий эксгумационный список был составлен без соответствия порядку извлечения останков из могил и слоев.

О том, что нацисты уделяли особое внимание контролю за ситуацией в Козьих Горах свидетельствует тот факт, что 17 апреля 1943 г. группу так называемых «экскурсантов» лично сопровождал уже упомянутый начальник разведки группы армии «Центр» полковник фон Герсдорф. Он же отвечал на вопросы корреспондентов (Мацкевич. Катынь. Глава 13). Нет сомнений, что благодаря своему статусу и авторитету фон Герсдорф мог заставить корреспондентов и польских представителей без особых вопросов пройти по четко заданному маршруту, избегая вскрытых захоронений, которые назавтра увидел Меньшагин. Вероятно, это и отметил А.Шебеста.

В этом плане поистине потрясающей является информация о том, что 17, 18, 19 апреля 1943 г., согласно дневнику эксгумации, трупы польских военнопленных НЕ ЭКСГУМИРОВАЛИСЬ, хотя как утверждали «очевидцы», работы в могилах велись. Чем можно это объяснить?

Вероятно тем, что накануне начала работы представителей Технической комиссии немцам необходимо было убрать все «улики», способные уличить их в фальсификации. Надо иметь в виду, что, согласно тому же немецкому дневнику эксгумаций, с 29 марта по 7 апреля включительно, изъятые из могил трупы в эксгумационном списке не фиксировались.

Сколько было извлечено из могил трупов за этот период можно только догадываться. Если учесть, что в Козьих Горах на раскопках ежедневно работали 35 местных жителей, а также советские военнопленные, то счет надо вести на тысячи. В этом плане заявление Б.Меньшагина о 5–5,5 тысячи трупов польских военнопленных, извлеченных на 18 апреля 1943 г. из могил останков польских военнопленных, становится вполне правдоподобным.

Естественно, все силы 18 и 19 апреля немцы бросили на скрытие «улик». Польские представители ПКК должны были свято верить в «безупречность» немецкой эксгумации и впоследствии отстаивать эту точку зрения. Их роль «подконтрольных свидетелей» была определена на совещании в министерстве имперской пропаганды 6 апреля 1943 г.

Говоря об идентификации расстрелянных поляков, ранее упоминаемый майор Бальцер предложил, чтобы она была проведена в пропагандистских целях, для чего необходимо «привлечь членов польского Красного Креста под немецким контролем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.